

A dramatic fantasy illustration. In the background, a massive, dark gothic cathedral with multiple spires and pointed arches is engulfed in intense orange and yellow flames. The fire is particularly bright in the central tower and the lower sections of the building. To the left, a jagged, snow-covered mountain peak rises against a cloudy sky. In the foreground, a figure with long dark hair, wearing a dark tunic and a long, flowing red cape, stands with their back to the viewer on a rocky path. They are looking up at the burning cathedral. The surrounding landscape is filled with autumnal trees with orange and yellow leaves. In the lower right, there is a large, bright fire or explosion. The overall atmosphere is one of destruction and tragedy.

Эвелина Гайсина

Пепел костяного королевства

Эвелина Гайсина

Пепел костяного королевства

«Автор»

2026

Гайсина Э.

Пепел костяного королевства / Э. Гайсина — «Автор», 2026

Королевство Вардхольм держится на трёх столпах: железо, вера в Единое Солнце и страх перед Железным Лесом. Здесь не поют старых песен, а магия считается ересью. Тех, кто помнит, — сжигают. Вейла выжила, когда её деревню превратили в пепел. Но пепел не молчит. Он говорит с ней — о прошлом, о мёртвых, о тайнах, которые боится услышать король. Запертая в Цитадели как инструмент дознавателей, Вейла становится опасной. И однажды старый архивариус помогает ей бежать — на север, к Железному Лесу, который начал двигаться. Тем временем в столице зреет заговор. Принц-наследник гниёт в подземелье. Лорды грызутся за власть. А король, одержимый голосами сожжённых, собирает армию, чтобы выжечь Лес до корня. Вейла должна успеть раньше. Потому что в сердце Леса её ждёт не просто спасение. Там её ждёт правда о матери, о собственном имени и о судьбе, которая страшнее смерти. Имя Имриэль не умирает. Оно горит.

© Гайсина Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог: Зов Железного Леса	6
Часть I. «Пепел и Железо»	8
Глава 1: Пир для Воронов	8
Глава 2: Сердце Леса	16
Глава 3: Дорога в Солнцеград	24
Глава 4: Башня Пепла	30
Глава 5: Принц пепла	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эвелина Гайсина

Пепел костяного королевства

Предисловие

Когда боги ушли, остался пепел. Пепел, который помнит.

Вардхольм — королевство, где зима наступает не с холодами, а с тишиной. Где Железный Лес не растёт, а подкрадывается. Где король слышит голоса тех, кого сжёг. Где принц три года ждёт в темнице, а невеста короля точит нож.

Вейла не герой. Она — беглая послушница с пеплом в волосах и огнём в крови. Она не умеет сражаться. Но она умеет слушать.

И теперь её слушают все: мёртвые, деревья, земля.

Ей предстоит пройти через Башню Пепла, разбудить спящий Лес и узнать имя, за которое убивали её мать.

Потому что пока есть те, кто помнит, — забвение не победит.

Пролог: Зов Железного Леса

Мир называли Элдорией, но это имя было ложью.

Когда-то, если верить бардам, чьи песни ныне караются кастрацией, земля дышала. Реки текли по венам гор, а деревья шептали на языке, что был старше человеческой речи. То был Век Корней, когда боги ходили меж смертных, а магия не была проклятием. Но боги устали или отвернулись, а может, их просто убили те, кто пришел после. Век Корней сменился Веком Стали, и от магии остался лишь пепел — серый, вьедливый, оседающий в легких каждого, кто посмеет взглянуть на руины старых капищ.

Королевство людей звалось Вардхольм, и держалось оно на трех столпах: железо, вера в Единое Солнце и страх перед Железным Лесом.

Лес был границей. Не просто чащей — шрамом на теле мира. Деревья в нем росли не вверх, а вширь, сплетаясь ветвями в непроглядный купол, под которым царил вечный сумрак. Их кора была холодна, как могильная плита, и имела цвет застарелой крови. Железным Лес прозвали не за крепость древесины, а за то, что он высасывал тепло и надежду из всего живого, что осмеливалось в него войти. Ни один лесоруб, вошедший в его тень, не вернулся, чтобы рассказать, что он там видел. Но все знали, что там живет что-то.

История началась не с короля и не с героя. Она началась с сироты, умевшей разговаривать с пеплом.

Ее звали Вейла. Ей было двенадцать, когда сгорела ее деревня. Не от набега и не от чумы — от дурости старосты, решившего выжечь поле, не дождавшись дождя. Ветер переменялся, и огонь сожрал все: дома, амбары, скотину, людей. Вейла осталась жива лишь потому, что ее мать, умирая, придавила ее собой в колодце. Три дня девочка просидела по пояс в ледяной воде, глядя, как над ней пляшет пламя и рушатся балки. На четвертый день дождь все-таки пошел.

Выбравшись, она не плакала. Она стояла босиком на еще дымящейся земле, среди обугленных костей, которые когда-то были ее семьей, и вдыхала запах гари. И в этом горьком воздухе она почувствовала вкус. Вкус историй. Пепел говорил с ней. Не словами — ощущениями. Болью. Страхом. Последней молитвой старухи Марты, обращенной к Единому Солнцу. Глупой надеждой конюха Брана, что он успеет спасти свою лошадь.

Пепел помнил. И он был готов делиться.

Через неделю, когда Вейлу, голодную и обезумевшую, нашел отряд королевских дознавателей, она уже знала то, что не должна была знать. Она посмотрела на капитана — усталого человека с золотым солнцем на нагруднике — и сказала: «Твоя дочь родилась мертвой прошлой зимой, но ты все равно носишь ее локон в медальоне под сердцем. И ты боишься, что жена узнает про твою любовницу в Столице».

Капитан не арестовал ее. Он привез ее в Цитадель Солнца, где жрецы и магистры изучали то, что осталось от магии. Ее не пытали — поначалу. Ее кормили, одевали в серое платье послушницы и заставляли говорить с пеплом сожженных книг и умерших еретиков. Она была ценным инструментом. Живым компасом, указывающим на чужие тайны.

Но потом, когда ей исполнилось шестнадцать, в ее дверь постучался Архивариус. Он был тихим, незаметным человеком, от которого пахло пылью и старым пергаментом. Он присел у ее окна, посмотрел на серое небо и сказал:

— Вейла, солнце умирает. Ты же чувствуешь это?

Она удивленно подняла взгляд. Никто из жрецов не говорил с ней так прямо.

— Каждое утро оно всходит чуть медленнее, — продолжил Архивариус. — И лучи его холоднее. Железный Лес, который вы все так боитесь, — это не болезнь и не проклятие. Это просто сорняк. Сорняк, который растет в сумерках. И он движется.

— Двигается? — переспросила Вейла. — Лес?

— Это не Лес, дитя. Это поступь того, кто был изгнан в Век Корней. И он помнит о нас. Он помнит о запахе нашей крови, о хрусте наших костей. Он вложил в нас искру, чтобы мы горели ярко и вкусно. А теперь он собирает урожай.

Архивариус достал из-за пазухи тонкий кинжал из черного обсидиана.

— Цитадель больше не защищает тебя, Вейла. Они решили, что ты опасна. Завтра на рассвете тебя объявят еретичкой и сожгут, чтобы твой дар пепла не достался никому. Но я хочу, чтобы ты жила. Не ради тебя, не ради меня. Ради той единственной истины, которую мы, люди, боимся произнести вслух: мы проигрываем эту войну.

— И что же мне делать? — прошептала она, глядя на кинжал.

— Идти туда, куда никто не осмеливается, — ответил он, и в его глазах, старых и водянистых, мелькнуло пламя, которому не было дела до солнца. — Идти в Железный Лес. И найти то, что он там прячет.

В ту ночь Вейла сожгла свою комнату в Цитадели дотла. Она не читала заклинаний и не взывала к богам. Она просто подышала на старые половицы, и они вспыхнули, как сухой мох. Впервые в жизни она не слушала пепел.

Она приказывала ему.

Она вышла через стену огня, держа в руке черный кинжал, и направилась на север. К границе. К тому месту, где за горизонтом спал или ждал Железный Лес. Одинокая фигура под затянутым тучами небом, с даром, который был проклятием, и приказом, который звучал как похоронный звон.

Так началась последняя война за Век Стали. Война, в которой не было хороших и плохих. Были только те, кто успеет испугаться, и те, кто уже сгорел.

Часть I. «Пепел и Железо»

Глава 1: Пир для Воронов

Столица Вардохльма называлась Солнцеград, но солнца здесь не видели уже три месяца.

Над городом висела пелена облаков — плотная, бурая, как старая мешковина. Она не пропускала свет, но удерживала вонь: запах дубилена, гниющих отбросов, пота и страха. Город жил, но жил как зверь в клетке, в вечном полумраке, в вечном ожидании чего-то, чему не было имени.

Королевский замок возвышался над столицей, как надгробный камень. Его башни, построенные еще в Век Стали первыми завоевателями, походили на клыки. Говорили, что в их фундаменте замурованы кости магов, отказавшихся склониться перед Единым Солнцем. Правда это или нет — не знал даже король. Но он любил эту легенду и никогда не опровергал ее.

Король Эдвин Третий был человеком, который улыбался только тогда, когда кто-то умирал.

Ему стукнуло сорок семь, но выглядел он старше: седые волосы, обвисшие щеки, глаза цвета застарелой слякоти. В молодости он был красив той опасной красотой, что заставляет женщин забывать о благоразумии. Теперь от этой красоты осталась лишь хищная посадка головы и привычка смотреть на людей так, будто он прикидывает, сколько они будут стоить на рынке рабов.

Вот уже двадцать лет он правил Вардохльмом железной рукой — и никто не смел открыто назвать его тираном. Тех, кто называл, вешали на стенах Солнцеграда, предварительно вырвав языки. И все же шепотки ползли по королевству, как трещины по старой стене. Шепотки о том, что Эдвин сошел с ума. Что он разговаривает по ночам с пустым тронем. Что его наследник — не его сын, а бастард, прижитый королевой от конюха.

Именно поэтому король устроил свадьбу.

— Ты понимаешь, что это безумие? — спросил лорд Кадган, разглядывая список гостей. — Ты зовешь под одну крышу всех, кто мечтает воткнуть тебе нож в спину. Волки будут жрать друг друга прямо за твоим столом.

Кадган был старым, лысым, с лицом, изрезанным шрамами и временем. Он служил еще отцу Эдвина и помнил времена, когда короли не боялись своих подданных. Теперь он был Мастером Шепотов — главой тайной службы, человеком, который знал, сколько у каждого лорда любовниц и сколько в его подвалах скелетов.

— Именно поэтому я и зову их, — ответил Эдвин, не отрываясь от окна. Он смотрел на город, на серые крыши, на колонны дыма, поднимающиеся из труб. — Пусть приедут. Пусть увидят друг друга. Пусть перегрызут друг другу глотки до того, как перегрызут мою.

— А если они объединятся?

— Не объединятся. Они ненавидят друг друга сильнее, чем меня. Лорд Блэквуд мечтает о землях Вэнсов. Вэнсы мечтают о короне. Вэнсы-младшие мечтают о землях старших. Это волчья стая, Кадган. Волки не объединяются. Они грызутся за кость.

Он обернулся.

— А кость у нас одна. Мой трон. И пока они грызутся за него, они не заметят, как я накину им петлю на шею.

Кадган ничего не ответил. Он слишком хорошо знал своего короля. За двадцать лет он привык к его жестокости, но так и не привык к его улыбке. А сейчас Эдвин улыбался именно так — уголками губ, не затрагивая глаз. Так он улыбался перед войной.

— А что насчет слухов? — осторожно спросил Кадган. — Из Цитадели.

Улыбка исчезла с лица короля.

— Каких именно слухов?

— Говорят, что сгорела комната послушниц. Что сбежала та девчонка. Та, что разговаривает с пеплом.

Эдвин отвернулся к окну.

— Мне доложили. Архивариус тоже исчез.

— Это плохо, мой король. Если она попадет к кому-то из лордов...

— Не попадет. Она слишком напугана, чтобы идти к людям. А если и пойдет, то не к лордам. Она пойдет на север.

— На север? — Кадган нахмурился. — Зачем?

— Не знаю. И мне плевать. Пусть идет. Лес не отдает тех, кто в него входит.

Он помолчал.

— Но если она все же выйдет... — Эдвин провел пальцем по стеклу, оставляя полосу на запотевшей поверхности. — Приведи ее ко мне. Живой. Или принеси ее голову. Мне все равно.

Кадган молча кивнул. Он знал, что не выполнит этот приказ. Не потому, что боялся леса. А потому, что был одним из немногих, кто понимал: эта девчонка может оказаться важнее короны.

Но вслух он этого не сказал.

Свадьба была назначена на последний день месяца Урожая. По древней традиции, в этот день Вардхольм праздновал окончание сбора зерна и приносил жертву Единому Солнцу. Теперь это был просто повод напиться и забыть о том, что зима будет долгой.

Невеста — леди Алесса Вэнс — прибыла за три дня до церемонии. Ей было шестнадцать, она была красива той красотой, что не радует глаз, а режет его: резкие скулы, черные волосы, глаза, в которых светился ум, слишком острый для женщины ее положения. Она ненавидела короля. Она ненавидела своего отца, продавшего ее, как скот. Она ненавидела всех, кто смотрел на нее с жалостью или похотью. Но она умела улыбаться так, что ни один из них не догадывался об этом.

— Ты будешь королевой, — сказал ей отец, лорд Адриан Вэнс, когда они подъезжали к воротам Солнцеграда. — Ты должна быть счастлива.

— Я счастлива, отец, — ответила она, и улыбка на ее лице была безупречной. — Я счастлива так, как только может быть счастлива овца, которую ведут на бойню.

Лорд Вэнс предпочел не услышать этих слов. Он был слишком занят подсчетом того, сколько земель и титулов получит после свадьбы.

Алесса же смотрела на серые стены замка, на клыки башен, на воронов, кружащих над ними, и думала о том, что слышала от своей старой няньки. О том, что Вэнсы когда-то были королями — еще до того, как Эдвиновы предки пришли с железом и огнем. О том, что в их роду течет кровь, которая не прощает.

Она сжала в руке фамильный перстень — тяжелое кольцо с черным камнем, которое носила под перчаткой. Камень был холодным, как лед, и острым, как нож.

«Подожди, — прошептала она ему или себе, она не знала. — Подожди».

Гости съезжались со всего королевства. Лорд Блэквуд с Севера, чьи земли граничили с Железным Лесом. Лорд и леди Вэнс с Запада. Барон Даркмур, старый, слепой, но все еще опасный, как гадюка в высокой траве. Бастарды, рыцари, купцы, шлюхи, жонглеры — все стекались в Солнцеград, как мухи на падаль. Город гудел, как растревоженный улей.

А в подземельях замка, в камере без окон, сидел человек, который должен был стать королем.

Его звали Гилберт. Принц Гилберт, единственный законный сын Эдвина. Ему было двадцать три, он был высок, светловолос и красив — всем в мать, которую он не помнил. Три года назад он совершил ошибку: посмел спросить отца, зачем тот сжигает деревни на границе.

С тех пор он жил в темноте.

Кадган приходил к нему раз в месяц. Не для того, чтобы пытать. Для того, чтобы говорить. О политике, о войне, о том, что творится за стенами его камеры. Гилберт слушал, но не отвечал. Он уже давно не верил, что его слова имеют значение.

— Твой отец женится снова, — сказал Кадган в последний свой визит. — Через три дня. Молодая леди Вэнс.

Гилберт поднял взгляд. В полумраке его глаза блестели, как у животного.

— Она знает, на что соглашается?

— Ее не спрашивали.

— Бедная девочка, — тихо сказал принц. — Она умрет раньше, чем успеет родить наследника.

Кадган промолчал.

— Тебя не выпустят, Гилберт. Даже на свадьбу. Твой отец боится, что ты украдешь его праздник.

— Мне не нужен его праздник. Мне нужна его голова.

— Если бы твоя мать тебя слышала...

— Моя мать мертва. Отец позаботился об этом.

Кадган вздохнул и поднялся.

— Завтра я еду на север. Меня не будет несколько недель. Если за это время что-то случится...

— Я буду готов, — перебил Гилберт.

— К чему?

— Ко всему.

Кадган посмотрел на принца, и впервые за долгое время на его лице мелькнуло что-то похожее на надежду. Или, может, на страх.

— Да помогут нам боги, — прошептал он, но Гилберт его не услышал.

Вечером перед свадьбой над Солнцеградом разразилась гроза.

Молния ударила в шпиль королевской башни, расколов его пополам. Каменные обломки рухнули во двор, раздавив трех стражников и лошадь лорда Блэквуда. Вспыхнул пожар в конюшнях.

Все сочли это дурным знамением.

А наутро, когда небо прояснилось впервые за три месяца, и бледный свет упал на мокрые стены столицы, в ворота Солнцеграда постучался гонец.

Он принес весть с севера.

Железный Лес двинулся.

Деревья вырвали корни из земли и пошли. Медленно, как ледник, как старое зло, у которого есть время. Они сметали деревни, погребая их под пологом из листвы и тьмы. Люди бежали, бросая дома и скот. Тех, кто не успел, Лес не убивал. Он просто вбирал в себя, и больше их никто не видел.

Гонец умер через час после того, как передал послание. Он был бледен, как мел, и все его тело покрывала тонкая серая сеть, похожая на вены.

Король выслушал новость молча. Потом повернулся к Кадгану, который уже собирался в дорогу, и сказал:

— Свадьба состоится, как и было задумано. Лес подождет.

— Лес не ждет, — ответил Кадган.

— Значит, пусть догоняет.

И он улыбнулся — той самой улыбкой, которую Кадган так ненавидел.

А в это время Вейла стояла на холме и смотрела, как далеко на севере горизонт темнеет, словно его заливают чернилами.

Она чувствовала запах. Не запах гари — запах чего-то древнего, как мир, и голодного, как могила. Запах земли, смешанной с кровью. Запах папоротников и разложения.

Пепел в ее волосах дрожал.

— Я иду, — прошептала она. — Я иду.

И шагнула вперед.

Вейла шла на север уже одиннадцать дней.

Она научилась многому за эти дни — тому, чему не учат в Цитадели. Как спать на голой земле, завернувшись в плащ из грубой шерсти, украденный с бельевого веревки. Как отличать съедобные корни от ядовитых по запаху, который они испускают, когда их разламываешь. Как прятаться от королевских патрулей, которые все еще искали беглую послушницу с пеплом в волосах.

Но главное, чему она научилась — это слушать.

Пепел говорил с ней постоянно. Не только пепел сожженных вещей или умерших людей. Вся земля, по которой она шла, была пропитана памятью. Каждый камень, каждая травинка, каждый слой почвы хранил в себе отголоски того, что было раньше. Век Корней не умер, как учили жрецы. Он спал. И теперь, когда Вейла шла на север, к Железному Лесу, этот сон становился все более беспокойным.

— Ты чувствуешь это? — спрашивала она пустоту. — Это как дыхание. Как будто сама земля дышит.

Ей никто не отвечал. Но она знала, что Архивариус где-то рядом. Не физически — она не видела его с той ночи в Цитадели. Но она чувствовала его присутствие, как чувствуют приближение грозы. Запах пыли и старого пергамента появлялся на ветру, когда она сворачивала не туда. А один раз, проснувшись на рассвете, она нашла рядом с собой кусок черствого хлеба, завернутый в лист с нарисованной стрелкой.

Он вел ее. Или сопровождал. Или просто не хотел, чтобы она умерла раньше времени.

К исходу одиннадцатого дня Вейла вышла к деревне.

Вернее, к тому, что от нее осталось.

Деревня называлась Ясневый Брод — это Вейла узнала от дорожного столба, покосившегося у обочины. Когда-то здесь жили люди: пахали землю, растили детей, ходили в маленькую деревянную церковь Единого Солнца. Теперь церковь стояла без крыши, а в ее дверном проеме висела веревка с петлей. Пустой.

Вейла остановилась на краю деревни. Что-то было не так. Не просто запустение — она видела заброшенные деревни и раньше, на юге, куда добирались королевские каратели. Там пахло смертью, но смертью старой, успокоившейся. Здесь же...

Здесь пахло жизнью. Но неправильной жизнью. Как будто кто-то жил в этих домах, но не так, как живут люди.

Она присела на корточки и коснулась ладонью земли. Та была холодной, но не от осенней стужи. От чего-то другого. От присутствия, которое вытягивало тепло.

— Кто здесь? — прошептала она.

Пепел молчал. Впервые за долгое время он молчал. И это пугало больше, чем любые слова.

Она вошла в деревню.

Дома стояли нетронутыми, если не считать времени и непогоды. Двери открыты, окна выбиты. Внутри — опрокинутая мебель, разбросанная утварь. Но никаких следов борьбы. Никакой крови. Как будто люди просто встали и ушли, оставив все.

В церкви Вейла нашла первое тело.

Оно висело под куполом, подвешенное за ноги. Тёмный силуэт на фоне серого света, льющегося через выбитые окна. Вейла не стала подходить ближе — хватило одного взгляда, чтобы понять: здесь совершили что-то тёмное, что-то, чего не должно было случиться. Воздух вокруг тела казался густым, неживым. Даже мухи не приближались. Будто сама церковь не принимала того, что в ней сделали. Вейла не закричала. Она слишком много видела смертей, чтобы кричать. Но ее желудок сжался, а пепел в волосах дрогнул — не от страха, а от узнавания.

— Это была жертва, — прошептала она. — Кому?

Ответ она нашла за алтарем.

Там, где когда-то стояла статуя Единого Солнца — золотой диск с расходящимися лучами, — теперь стояло нечто иное. Грубо высеченная из дерева фигура. Высокая, тощая, с неестественно длинными руками. Вместо лица — гладкая поверхность, как у булыжника. А вокруг нее, на полу, — кости. Много костей. Человеческих. Обглоданных.

Вейла отступила на шаг.

— Это не Лес, — прошептала она. — Это не он...

— Ты права, — раздался голос у нее за спиной. — Это его дети.

Вейла резко обернулась.

В дверях церкви стоял человек. Или то, что когда-то было человеком. Он был высок, тощ, как зимний волк, и одет в лохмотья, некогда бывшие одеждой. Его кожа имела цвет грязного снега, а глаза — белые, как у слепого. Но он не был слеп. Он смотрел прямо на нее, и в этом взгляде было что-то древнее, холодное, нечеловеческое.

— Те, кто ест мертвых, — сказал он. — Мы зовем их ползунами. Они приходят перед Лесом. Всегда перед Лесом. Как вороны перед бурей.

Вейла не двигалась. Она не знала, кто перед ней — враг, друг или нечто третье. Но она чувствовала: если он захочет, она умрет быстрее, чем успеет закричать.

— Ты... ты человек? — спросила она.

— Уже нет.

Он шагнул вперед, и Вейла увидела его руки. Они были покрыты корой. Не метафорически — настоящей древесной корой, грубой, потрескавшейся, с тонкими веточками, пробиравшимися из-под ногтей.

— Лес принял меня, — сказал он. — Двадцать лет назад. Я вошел в него, как и ты собираешься. Но он не убил меня. Он... сохранил.

— Зачем?

— Я был нужен. Как нужны все, кто входит в него с чистым сердцем и темной душой. Лес не убивает просто так. Он использует.

Он подошел ближе, и Вейла почувствовала запах. Не вонь гнили, которую она ожидала. Запах земли после дождя. Запах корней и листвы.

— Ты слышишь пепел, — сказал он. — Это редкость. Даже в старые времена такие, как ты, рождались раз в столетие.

— Ты знаешь, кто я?

— Я знаю, что ты идешь. И знаю, что Он ждет тебя.

— Кто — Он?

— Тот, кто живет в сердце Леса. Тот, кто посадил первое семя. Тот, кого мы называем не по имени, потому что имя Его — забыто. Тот, кто зовет тебя.

Вейла вздрогнула.

— Я не слышала никакого зова.

— Ты слышишь его каждую ночь, — сказал человек с корой вместо кожи. — В пепле. В шепоте земли. Во сне. Ты просто не знала, что это Он.

Он помолчал.

— Ты можешь еще повернуть назад. Немногие получают такой выбор. Если ты пойдешь дальше, пути назад не будет. Лес не отпускает тех, кто вошел в него по своей воле.

— А если я не по своей воле? — спросила Вейла. — Если меня послали?

— Все, кто входит в Лес, думают, что их послали. Одних — короли, других — боги, третьих — собственная гордыня. Но на самом деле Он позвал всех. Каждого. Просто не все слышали.

Человек с корой наклонил голову, и Вейла увидела, что из его виска растет тонкая серая ветка с тремя листьями.

— Скажи, девочка с пеплом в волосах, — прошептал он. — Ты готова узнать, что скрывается за лицом твоего бога?

Она не ответила.

А когда моргнула, его уже не было.

Только шепот в воздухе, похожий на шорох листвы:

— Иди на север. Иди, пока тень не накрыла твою спину. Он уже знает, что ты идешь.

Вейла не спала в ту ночь.

Она сидела на краю мертвой деревни, обхватив колени руками, и смотрела на север. Горизонт был черен, но это не была чернота ночи. Это была чернота чего-то живого. Огромного. Дышащего.

Железный Лес пришел в движение, и теперь он был ближе, чем вчера.

А где-то позади, в Солнцеграде, король Эдвин Третий поднимал кубок за здоровье своей новой жены и не думал о лесе.

Пока.

Солнцеград сиял.

Впервые за три месяца тучи разошлись, и город залило бледным осенним светом. Улицы были выметены, стены украшены золотыми полотнищами с гербом Вардохольма — солнцем, пронзающим мечом. Чернь глазела на процессию, дети бросали цветы, нищие тянули руки. Все это было похоже на театр, и каждый играл свою роль: одни — ликование, другие — нищету.

Но под всей этой мишурой, под золотом и цветами, текло нечто темное, как сточные воды под мостовой.

Лорды прибывали с эскортами. Лорд Блэквуд привел три сотни вооруженных всадников — «для охраны», как он выразился. Лорд Адриан Вэнс привел пятьсот, «для безопасности дочери». Барон Даркмур, слепой и старый, прибыл с дюжиной телохранителей, каждый из которых был немым, как камень. Все понимали, что это значит. Это была демонстрация силы.

Свадьба обещала стать пороховой бочкой, и каждый гость принес с собой фитиль.

Алесса Вэнс стояла у окна своей комнаты в восточной башне и смотрела на город.

Она была одета в белое шелковое платье, расшитое золотыми нитями. Тяжелое, как доспех. Каждый шов давил на кожу, каждый стежок напоминал о том, что она — товар. Товар, который сегодня передадут из рук в руки.

— Ты должна быть благодарна, — сказала ей мать, когда они прощались. — Ты станешь королевой. Ты получишь власть.

— Власть, — повторила Алесса, глядя на мать, чьи глаза были пустыми, как у куклы. — Власть быть раздавленной его телом и родить ему сына, который продолжит его безумие.

Мать ничего не ответила. Она смотрела в окно, на серые стены, на воронов, и Алесса поняла: мать уже давно не здесь. Она умерла много лет назад, когда отец впервые ударил ее. Теперь по замку ходила лишь оболочка.

— Я не смирюсь, — сказала Алесса, но мать уже вышла из комнаты.

Алесса сжала перстень под перчаткой.

«Подожди», — снова прошептала она.

Камень был холодным.

Пир проходил в Большом зале — огромном помещении, способном вместить тысячу человек. Стены украшали гобелены с сценами древних побед, а под потолком висели знамена великих домов. И все же в зале царил холод, который не могли прогнать дюжина каминов и сотни свечей.

Гости расселись за длинными столами, но каждая делегация смотрела на другую с подозрением. Лорды улыбались, но их улыбки были оскалом. Жены лордов перешептывались. Рыцари держали руки на рукоятках мечей.

Король Эдвин сидел во главе стола на возвышении. По правую руку от него — невеста, бледная и прекрасная, как зимняя луна. По левую — пустое кресло. Место принца Гилберта. Все заметили это, но никто не осмелился спросить.

— Друзья! — король поднялся, и зал затих. — Сегодня великий день. День, когда два великих дома объединяются. День, когда Вардхольм становится сильнее.

Он говорил, но его слова были пустыми, как орехи, выеденные мышами. Лорд Блэквуд смотрел на лорда Вэнса. Лорд Вэнс смотрел на корону. Барон Даркмур смотрел в никуда, но его слепые глаза, казалось, видели все.

— Пьем за невесту! — провозгласил Эдвин, подняв кубок.

— За невесту! — подхватил зал.

Алесса улыбнулась и пригубила вино. Оно было сладким, но она чувствовала в нем привкус горечи. Или, может, это был привкус ее собственной ненависти.

Первый удар произошел на третьем часу пира.

Сначала никто не понял, что случилось. Просто один из рыцарей лорда Блэквуда вдруг вскочил, схватился за горло и рухнул на стол, опрокинув кубки и блюда. Его лицо посинело, изо рта хлынула пена. Через мгновение упал еще один. И еще.

— Отравы! — крикнул кто-то, и зал взорвался.

Лорд Блэквуд вскочил, хватаясь за меч.

— Ты! — закричал он, указывая на лорда Вэнса. — Ты хотел отравить моих людей!

— Я? — Вэнс поднялся, его лицо побелело от ярости. — Это ты подмешал отраву, чтобы обвинить меня!

Король не двигался. Он сидел на своем троне и наблюдал, как его гости хватаются за оружие. На его лице играла улыбка.

«Волки грызутся, — подумал он. — Как я и предсказывал».

Но потом он заметил кое-что, что заставило его улыбку исчезнуть.

Алесса смотрела на него.

Не с ужасом, не с паникой. С холодным, расчетливым любопытством. Как смотрят на насекомое, которое собираются раздавить.

И в этот момент король Эдвин Третий впервые за двадцать лет почувствовал страх.

В подземелье, тремя этажами ниже, принц Гилберт слышал крики.

Он поднялся с гнилой соломы, служившей ему постелью, и прислушался. Крики, лязг металла, топот ног. Где-то наверху рушился мир его отца.

Он улыбнулся.

Медленно, он подошел к двери своей камеры, тяжелой дубовой плите, окованной железом, и коснулся ее.

— Еще не время, — прошептал он. — Но скоро.

Он вернулся в угол и сел. Его глаза привыкли к темноте за три года. Он видел каждый камень, каждую трещину, каждую каплю влаги, стекающую по стенам.

И он ждал.

На севере Вейла проснулась от холода.

Она не знала, сколько проспала. Ей снился сон — странный, липкий, как паутина. Во сне она стояла в лесу, но не в Железном. В другом. В лесу, где деревья были выше гор, а корни

уходили в самую бездну. И кто-то говорил с ней. Голосом, который был одновременно и шепотом листьев, и скрипом старой двери, и плачем ребенка.

— Ты придешь, — говорил голос. — Ты уже идешь. И когда ты придешь, ты узнаешь, почему пепел говорит с тобой. Почему твоя мать умерла в огне. Почему твой дар — это не дар, а метка.

Вейла открыла глаза.

Над ней нависало небо — серое, тяжелое, как надгробная плита. А в нескольких шагах от нее стояла фигура.

Высокая, тощая, с руками, покрытыми корой.

— Ты уже близко, — сказал человек из мертвой деревни. — Еще три дня пути. Но я пришел не за этим.

— Зачем? — спросила Вейла.

— Чтобы предупредить тебя. Последний раз. Если ты войдешь в Лес, ты не вернешься прежней. Ты можешь выйти живой, но ты не будешь собой. Лес меняет все, чего касается. Вопрос лишь в том, что из тебя получится.

— Мне плевать, — сказала Вейла. — Я уже не та, кем была. После пожара. После Цитадели. После всего.

Человек с корой долго смотрел на нее. Потом кивнул.

— Тогда иди. Но знай: в сердце Леса есть не только Он. Там есть и другие. Те, кто пришел до тебя. Они будут пытаться остановить тебя. Некоторых придется убить.

Он повернулся и исчез между деревьями.

Вейла встала, отряхнулась и пошла на север.

Глава 2: Сердце Леса

Три дня пути — так сказал человек с корой вместо кожи.

Он солгал. Или, может, Лес решил, что ей нужно больше времени. А возможно, время здесь текло иначе — как мед, стекающий по наклонной поверхности, то быстро, то почти замирая.

Вейла потеряла счет дням на вторые сутки.

Лес начался неожиданно. Сначала это были обычные деревья — березы, осины, редкие дубы. Потом они стали гуще, выше, темнее. Трава под ногами почернела, а воздух сделался тяжелым, как перед грозой, только грозы не было. Была лишь тишина. Плотная, вязкая, как болотная жижа. Она забивала уши, и Вейла слышала только собственное дыхание — и стук сердца. А потом и они начали казаться чужими, будто принадлежали кому-то другому.

Первая ночь в Лесу едва не убила ее.

Она развела костер — с трудом, потому что ветки отказывались гореть. Они тлели, выпуская густой белый дым, который не поднимался вверх, а стелился по земле, как змея. Вейла сидела у слабого пламени, обхватив себя руками, и чувствовала, как холод забирается под одежду, под кожу, под ребра.

Потом она услышала голос.

Он шел не снаружи. Он шел изнутри — из пепла, который она носила с собой. Из пепла, который был частью ее самой.

— Ты слышишь нас? — спрашивали голоса. — Ты слышишь нас?

— Кто вы? — прошептала Вейла.

— Мы — те, кто был до тебя. Мы — те, кто пришел и не вернулся. Мы — кости под твоими ногами. Мы — кровь в корнях. Мы — твоя семья.

Она зажмурилась.

— У меня нет семьи.

— Была, — ответили голоса. — До того, как огонь забрал их. Но теперь у тебя есть мы. И мы покажем тебе путь.

И они показали.

Это были не видения — это были ощущения. Пепел в ее волосах дрожал, как антенна, улавливая нечто, чего она раньше не замечала. Подземные течения. Скрытые тропы. Места, где корни сплетались в узлы, похожие на вены. Места, где земля была не землей, а чем-то иным. Живым. Плотью.

Она шла, ведомая этими ощущениями, и не замечала, как деревья расступаются перед ней.

А потом она вышла на поляну.

И остановилась.

Это было сердце Леса.

Поляна была идеально круглой, как будто кто-то вычертил ее циркулем. В центре стояло дерево. Но это было не дерево в обычном понимании. Оно было огромным, невероятно огромным — ствол в десять обхватов, ветви, уходящие в небо на сотни локтей. Кора была черной, как уголь, и блестела, как полированный камень. Листья — а листья были — имели цвет запекшейся крови.

И оно дышало.

Вейла видела, как ствол поднимается и опускается, медленно, как грудь спящего великана. Она чувствовала это дыхание нутром. Оно резонировало с ее собственным сердцем, с ее собственным дыханием, с пеплом в ее волосах.

— Здравствуй, — раздался голос.

Она не вздрогнула. Она ждала этого голоса. Она слышала его во сне, она слышала его в шепоте земли, она слышала его в треске костра в ту ночь, когда умерла ее мать.

— Ты знаешь, кто я? — спросил голос.

— Нет, — ответила Вейла.

— Знаешь, — возразил голос. — Ты всегда знала. Ты просто боялась признаться.

Вейла смотрела на дерево. На его черную кору, на его кровавые листья. И вдруг поняла.

— Ты — не бог, — сказала она.

— Нет, — согласился голос.

— Ты — не демон.

— Нет.

— Ты... — она запнулась. — Ты — это все. Весь Лес. Вся земля. Вся...

— Я — память, — сказал голос. — Я — то, что было до того, как люди придумали имена для богов и демонов. Я — корень, из которого выросли все ваши страхи и все ваши надежды. Я — то, что вы забыли.

Дерево шевельнулось. Или, может, это Вейле показалось. Но ей показалось, что в коре открылись глаза — сотни, тысячи глаз, смотрящих на нее.

— Ты пришла, чтобы убить меня, — сказала дерево.

Это не был вопрос.

— Меня послали, — ответила Вейла.

— Знаю. Архивариус. Он всегда умел находить полезных людей. Он нашел тебя, когда ты была еще ребенком. Он ждал, пока ты вырастешь. Пока твой дар окрепнет. Пока ты станешь оружием.

Вейла нахмурилась.

— Он спас меня.

— Он использовал тебя. Как используют всех. Твоя мать тоже была полезна. Пока не стала опасной.

Слова ударили, как пощечина.

— Моя мать... погибла в пожаре.

— Твоя мать была как ты, — сказала дерево. — Она слышала пепел. Она слышала землю. И она узнала то, что не должна была узнать. Поэтому они сожгли ее.

— Они? Кто они?

— Те, кто правит вашим миром. Те, кто называет себя пастырями Единого Солнца. Те, кто построил Цитадель на костях старых богов и сделал из магии запретный плод. Архивариус — один из них. Вернее, был одним из них. Пока не понял, что его хозяева служат не богу, а страху.

Вейла покачнулась. Все, во что она верила, рушилось, как картонный домик.

— Ты лжешь, — прошептала она.

— Я — память, — повторило дерево. — Память не лжет. Она просто помнит. Хочешь, я покажу тебе?

Ветви зашевелились, и с них посыпались листья. Они кружили в воздухе, как капли крови, и там, где они касались земли, поднимались образы. Вейла увидела свою мать. Молодую, красивую, с такими же темными волосами, как у нее. Она стояла на той самой поляне, у того самого дерева. И она не была напугана. Она была в ярости.

— Они придут, — говорила она. — Они уже идут. Они хотят вырвать тебя с корнем.

— Знаю, — отвечало дерево. — Но не вырвут. Пока есть такие, как ты.

— Меня не будет, — сказала мать. — Я ухожу. Мне нужно вернуться. У меня дочь.

— Тогда иди. Но помни: то, что ты носишь в себе, — это не дар. Это долг.

Образ исчез.

Вейла стояла, глядя на то место, где только что была ее мать, и по щекам текли слезы. Она не плакала с того дня, как выбралась из колодца. И теперь слезы казались ей чужими, как и все остальное.

— Зачем ты показываешь мне это? — спросила она.

— Чтобы ты поняла, — ответило дерево. — Ты не просто девочка с даром. Ты — наследница. Последняя из тех, кто может слышать землю. Если ты умрешь, цепочка прервется, и мир окончательно погрузится в Век Стали. Без корней. Без памяти. Без магии. Ваш король, ваши жрецы, ваши лорды — они не просто жгут старые капища. Они выжигают саму возможность возвращения.

— К чему возвращения?

— К тому, что было до того, как люди решили, что они — венцовторения. До того, как вы начали убивать друг друга за железо и золото. До того, как вы забыли, что такое быть частью целого.

Дерево склонило ветви, и Вейла почувствовала, как нечто касается ее плеча — нежно, как мать касается спящего ребенка.

— Ты не должна убивать меня, — прошептало оно. — Ты должна вспомнить.

— Что вспомнить?

— Свое имя.

Вейла нахмурилась.

— Меня зовут Вейла.

— Это имя дала тебе Цитадель. Имя, которое ты получила в день, когда тебя привезли в Солнцеград. А до этого? Как звала тебя мать?

Вейла закрыла глаза.

И вспомнила.

Это случилось в тот миг, когда пламя коснулось неба.

Вейле было двенадцать, но она уже знала, что такое боль. Боль была ее постоянным спутником, как тень, как холод, как голод. Боль была в том, как отец смотрел на нее — не как на дочь, а как на лишний рот. Боль была в том, как соседские дети смеялись над ее глазами — слишком большими, слишком темными, слишком внимательными. Боль была в том, как мать сжимала ее руку, когда они шли в лес за хворостом, и шептала: «Не говори никому».

Но та ночь была другой.

Огонь съедал деревню, и Вейла стояла по пояс в колодезной воде, глядя вверх, на круглое отверстие, через которое падали искры. Мать лежала на ней, придавив своим телом, и ее кровь капала на лоб Вейле, смешиваясь с сажей и слезами.

— Слушай меня, — хрипела мать, и Вейла слышала, как булькает кровь в ее легких. — Слушай внимательно.

— Мама, не уходи...

— Я уже ушла, девочка. Но ты останься. Ты должна остаться.

— Я не могу без тебя...

— Можешь. Ты сильнее, чем думаешь. Ты — моя дочь.

Вейла прижималась к матери, чувствуя, как та становится все тяжелее. Жар сверху становился невыносимым, но она не могла пошевелиться. И она не хотела.

— У тебя есть дар, — шептала мать. — Ты слышишь то, что другие не слышат. Ты видишь то, что другие не видят. Это проклятие и благословение. Но главное — это то, что делает тебя тобой.

— Мама, я не понимаю...

— Когда-нибудь поймешь. А теперь слушай. Запомни свое имя. То имя, которое я дала тебе. То имя, которое ты носила до того, как они отнимут его.

Вейла не понимала. Зачем запоминать имя? Она знала свое имя. Ее звали Вейла. Так звали ее все.

— Меня зовут Вейла, — прошептала она.

— Нет, — ответила мать. — Это не твое имя. Это слово, которое я говорила соседям, чтобы они не задавали вопросов. Настоящее имя — это то, что слышит земля. То, что слышит пепел. То, что слышит Он.

— Кто — Он?

— Тот, кто ждет тебя. Тот, кто ждал меня. Тот, кто ждал мою мать. И мать моей матери. Мы все носили одно имя. И теперь оно переходит к тебе.

Мать приподнялась, и Вейла увидела ее лицо в свете пожара. Оно было покрыто копотью и кровью, но глаза — глаза горели. Они были не человеческими. Они были как угли.

— Слушай, — сказала мать. — И запомни. Твое имя...

Вейла открыла глаза.

Она стояла перед деревом. Деревом, которое было сердцем Леса. Деревом, которое было памятью мира.

— Ты вспомнила, — сказала оно.

— Да, — ответила она.

— Назови его.

Вейла посмотрела на свои руки. Они дрожали. Потом подняла взгляд к кроне, к кровавым листьям, к черным ветвям.

— Меня зовут... — она запнулась. — Меня зовут Имриэль.

И в тот же миг мир вздрогнул.

Листья зашелестели, хотя ветра не было. Корни под ногами зашевелились, как змеи. Небо над Лесом потемнело, и Вейла почувствовала, как ее накрывает волна силы — древней, как сама земля, и яростной, как огонь, убивший ее мать.

— Имриэль, — повторило дерево, и в его голосе прозвучало удовлетворение. — Имриэль, что значит «та, что слышит пепел». Имриэль, что значит «та, что носит пламя в крови». Имриэль, последняя из Хранителей.

— Хранителей? — переспросила она.

— Тех, кто помнил. Тех, кто хранил старые слова. Тех, кто мог говорить с землей. Вас было много когда-то. А теперь осталась ты.

Дерево снова шевельнулось, и Вейла увидела, как из его коры проступают лица. Десятки, сотни лиц. Женских. Молодых и старых. Все они смотрели на нее. И все они улыбались.

— Они с тобой, — сказала дерево. — Все они. Все женщины твоего рода. Все, кто носил это имя до тебя. Они в твоей крови. Они в твоём пепле. Они в твоём дыхании.

Вейла почувствовала, как в груди поднимается нечто огромное. Не гнев. Не печаль. Нечто иное. Словно она вдруг стала больше, чем была. Словно в ней зажгли тысячу свечей, которые кто-то пытался задуть веками.

— Что мне делать? — спросила она.

— То, что делали все они, — ответило дерево. — Помнить. И защищать.

— От кого?

— От тех, кто хочет забыть. От тех, кто построил свой мир на пепле старого. От тех, кто сейчас правит вашим Вардхольмом.

— Король?

— Король — лишь инструмент. Куда более страшный враг — те, кто стоит за ним. Те, кто учит вас бояться. Те, кто заставляет вас жечь своих матерей и проклинать свои дары. Они идут, Имриэль. Они уже идут. Они почувствовали, что ты здесь. Они почувствовали, что Лес проснулся.

Вейла обернулась.

И увидела.

За стволами деревьев, в сгущающейся темноте, мелькали тени. Они двигались быстро, как змеи, и бесшумно, как смерть. И они приближались.

— Кто это? — прошептала она.

— Те, кто служит Ему, — ответило дерево. — Те, кто носит черное. Те, кто сжег твою деревню.

Вейла сжала кулаки. Пламя, которое она так долго подавляла в себе, пламя, которое она боялась, пламя, которое убило ее мать, — оно поднялось в ней. Оно требовало выхода.

— Что мне делать? — повторила она.

Дерево ответило не голосом, а ощущением.

Оно влило в нее знание. Старое, как мир. Простое, как дыхание.

И Вейла поняла.

Она подняла руки и выдохнула.

Огонь потек из ее ладоней. Но это был не тот огонь, что жег деревни. Это был огонь, что живет в сердце земли. Огонь, что плавит железо. Огонь, что рождается из пепла.

Он ударил в деревья, но не сжег их. Он пробудил их.

И Лес ожил.

Лес ожил не так, как оживают звери, почуявшие опасность. Он ожил так, как просыпается вулкан — медленно, неотвратно, с глубинным гулом, который не слышен ушами, но ощущается костями.

Ветви закрипели. Корни зашевелились под землей, как черви в падали. Стволы, стоявшие веками неподвижно, начали поворачиваться, словно слепые великаны, ищущие источник тепла. И в этом движении не было ничего доброго. Это была ярость. Древняя, холодная, как лед, и беспощадная, как зима.

Вейла стояла в центре поляны, и огонь все еще струился из ее ладоней. Он не обжигал — он просто был. Он был частью ее, как дыхание, как сердцебиение. И она наконец поняла то, что ее мать пыталась сказать ей в ту ночь, когда умерла.

Проклятие и благословение. Одно и то же. Вопрос лишь в том, куда направить пламя.

— Они идут! — раздался голос позади нее.

Вейла обернулась. Из-за деревьев выходили люди. Или, по крайней мере, существа, которые когда-то были людьми. Их было семеро. Они носили черные плащи с капюшонами, скрывающими лица, но Вейла чувствовала их. Она чувствовала их запах — запах старой крови и жженой плоти. Она чувствовала их мысли — темные, извилистые, как лабиринт. Они не были простыми солдатами.

— Дети Черного Пламени, — прошептала она. Она не знала, откуда пришло это знание. Может, от матери. Может, от дерева. А может, от той цепочки женщин, что стояли за ней, невидимые, но ощутимые.

— Ты знаешь нас, — произнес один из них. Его голос был как скрип ржавых петель. — Это хорошо. Умрешь с пониманием.

— Вы сожгли мою деревню, — сказала Вейла.

— Мы сожгли сотни деревень, — ответил другой. — Они все сливаются в одну. Но да, та, где жила твоя мать, была нашей работой. Красивое было пламя. Высокое. Жадное.

Вейла не почувствовала гнева. Вернее, гнев был, но он не ослепил ее. Он застыл внутри, как меч, опущенный в ледяную воду. Холодный. Острый. Готовый.

— Зачем? — спросила она. — Зачем было сжигать простых крестьян?

— Потому что твоя мать пряталась среди них, — ответил первый. — Мы искали ее много лет. Она была последней из Хранителей. Или мы так думали. Мы не знали о тебе. Ошибка. Но теперь мы исправим ее.

Он шагнул вперед, и Вейла увидела, как из-под его капюшона показалась рука. Это была не человеческая рука. Она была черной, блестящей, как обсидиан, и заканчивалась не пальцами, а длинными иглами, похожими на паучьи лапы.

— Ты пойдешь с нами, — сказал он. — Живой или мертвой. Разницы нет.

— А если я откажусь?

— Тогда мы заберем твоё тело и твой пепел. Этого будет достаточно.

Лес зашумел. Деревья наклонились, и Вейла почувствовала, как земля под ногами напряглась. Она не боялась. Вернее, боялась, но страх был где-то далеко, за стеной огня, который горел в её груди.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Я не просто Хранитель. Я — Имриэль.

Имя прозвучало как удар грома. Оно разнеслось по лесу, отражаясь от стволов, проникая в землю, заставляя корни дрожать. Дети Черного Пламени отступили на шаг. Впервые на их лицах — а Вейла теперь видела их лица, серые, искаженные, как у утопленников, — появилось нечто похожее на сомнение.

— Ложь, — прошипел первый. — Имриэль мертвы. Мы убили их всех.

— Вы убили моих матерей, — ответила Вейла. — Но не меня.

Она подняла руки, и пламя вырвалось наружу.

Это был не огонь свечи, не огонь костра, не огонь пожара. Это был огонь, который старше самого солнца. Он был бел, как кость, и горяч, как ненависть. Он не просто горел — он жил. Он танцевал, он смеялся, он звал.

И Лес ответил ему.

Деревья выбросили ветви, как копьё. Корни взметнулись из земли, словно щупальца. Дети Черного Пламени бросились в стороны, но было поздно. Один из них, тот, что говорил первым, был пронзен насквозь дюжиной ветвей. Он закричал — звук, похожий на визг пилы, — и его тело разорвалось на части, осыпавшись черным пеплом.

Второй попытался бежать, но корни схватили его за ноги и утащили под землю. Его крик оборвался глухим бульканьем.

Третий вскинул руку, и из его игл-пальцев ударили струи черной жижи. Она шипела, как кислота, разъедающая дерево. Но Вейла лишь повернулась к нему, и пламя охватило его целиком. Он сгорел за мгновение, не успев даже закричать. От него остался лишь дымящийся след на земле.

Остальные побежали.

Вейла хотела преследовать, но голос остановил ее.

— Не сейчас, — сказала дерево. — Дай им уйти. Они приведут других. А пока они бегут, у тебя есть время.

— Время для чего?

— Для того, что ты должна сделать. Для того, что не успела сделать твоя мать. Для того, что делали все Хранители до нее.

Вейла опустила руки. Пламя угасло, но жар остался. Он тлел под кожей, как угли под золой.

— Объясни, — сказала она.

— Ты должна вернуться, — ответило дерево. — Вернуться в мир людей. Не для того, чтобы прятаться. Не для того, чтобы мстить. А для того, чтобы собрать тех, кто еще помнит. Тех, кто не забыл Век Корней. Тех, кто хочет жить, а не выживать.

— Людей? — Вейла покачала головой. — Люди боятся меня. Они сожгут меня, как сожгли мать.

— Некоторых сожгут, — признало дерево. — Но другие пойдут за тобой. Потому что ты несешь то, чего они лишены. Потому что ты — живое доказательство того, что магия не умерла. Потому что ты — надежда.

— Надежда? — Вейла усмехнулась. — Посмотри на меня. Я — сирота с пеплом в волосах и огнем в крови. Я не похожа на надежду.

— Именно поэтому ты ею и являешься. Надежда никогда не приходит в золотых доспехах. Она приходит в рубище, босиком, со шрамами на ногах. Она приходит тогда, когда все уже потеряно.

Вейла долго молчала. Она смотрела на свои руки — на ладони, из которых только что вырывалось пламя. Они были чистыми. Ни ожогов, ни ран. Только тонкие линии, похожие на трещины в старой глазури.

— Что я должна сделать? — наконец спросила она.

— Иди в Солнцеград.

— В Солнцеград? Там меня ищут. Там меня сожгут.

— Там сейчас хаос. Свадьба короля обернулась кровью. Лорды грызутся, как псы за кость. А пока они грызутся, приходит то, что страшнее. Лес движется, но не как враг. Он идет, чтобы защитить тебя. Ты должна возглавить его.

Вейла нахмурилась.

— Возглавить Лес?

— Не Лес. Ты должна возглавить возвращение. Век Стали подходит к концу. Но конец может быть разным. Если ты не вмешаешься, он закончится огнем, который сожжет все. Если вмешаешься — может родиться что-то новое.

— Что?

— Век Пепла.

Слова упали в тишину, как камни в темную воду. Век Пепла. Звучало как проклятие. Или как обещание.

— Я не знаю, как возглавлять, — сказала Вейла.

— Узнаешь. Все они учились. Все они не знали. Но они шли.

Дерево склонилось ниже, и Вейла почувствовала прикосновение ветви к своему лбу. Оно было холодным и гладким, как камень. И в этом прикосновении она ощутила нечто, что не могла назвать словами. Что-то вроде благословения. Или прощания.

— Теперь иди, — сказала дерево. — Лес укроет тебя на пути. А когда выйдешь на равнину, не оборачивайся. Там, на равнине, ты встретишь того, кто поможет тебе.

— Кто?

— Узнаешь. А теперь ступай.

Вейла повернулась и пошла. Лес расступался перед ней, как занавес. Деревья склонялись, ветви поднимались, тропа ложилась под ноги сама. Она не оглядывалась. Она чувствовала, что за ней идут. Не тени. Не враги. Они. Ее матери. Ее бабки. Все женщины, носившие имя Имриэль до нее. Они шли рядом, невидимые, но ощутимые, как ветер.

И впервые за много лет Вейла не чувствовала себя одинокой.

Она вышла из Леса на рассвете.

Вернее, это был не рассвет. Небо оставалось серым, тяжелым. Но на востоке, впервые за долгое время, пробился луч. Одинокий, тонкий, как нить, он коснулся земли, и Вейла увидела равнину. Пустую, бурую, с пожухлой травой.

И на этой равнине стоял человек.

Он был один. Высокий, закутанный в дорожный плащ. В руке он держал посох. А за его спиной, насколько хватало глаз, не было ничего — только пустота и серый горизонт.

Вейла остановилась.

— Ты кто? — спросила она.

Человек повернулся, и она узнала его.

Архивариус.

— Я ждал тебя, — сказал он. — Вернее, надеялся. У тебя получилось?

— Получилось что?

— Вспомнить.

Вейла посмотрела на него. На его усталое лицо, на его пыльный плащ, на его посох, в навершии которого она только сейчас заметила вырезанный знак — спираль, уходящую в бесконечность.

— Ты знал, — сказала она. — Знал про имя. Знал про мою мать. Знал про все.

— Знал.

— Почему не сказал?

— Если бы я сказал, ты бы не поверила. А если бы поверила — не приняла. Такие вещи нужно узнавать самому.

Вейла хотела разозлиться, но не смогла. Слишком многое изменилось за эти дни. Слишком многое изменилось за последний час.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь мы идем на юг, — ответил Архивариус. — В Солнцеград.

— Зачем?

— Потому что король объявил, что Лес — враг. Потому что он собирает армию. Потому что он собирается сжечь все, что не может контролировать. И потому что там есть люди, которым нужна твоя помощь.

Он помолчал.

— И еще потому, что там есть человек, который ждет тебя.

— Кто?

— Тот, кто должен был сидеть на троне. Принц Гилберт. И он уже три года сидит в подземелье собственного отца.

Вейла смотрела на Архивариуса, и в ее груди медленно разгорался огонь. Не тот, что сжигал. Тот, что вел вперед.

— Тогда идем, — сказала она.

И они пошли.

Глава 3: Дорога в Солнцеград

Они шли молча.

Архивариус задавал темп — быстрый, но не изнурительный. Его посох мерно постукивал по земле, и Вейла заметила, что после каждого удара трава под ногами будто оживала: стебли выпрямлялись, а цвет, серый и пожухлый, на мгновение становился зеленее. Ненадолго. Но этого было достаточно, чтобы понять: ее спутник — не просто старый хранитель книг.

— Ты тоже из Хранителей? — спросила она, когда равнина сменилась пологими холмами.

Архивариус усмехнулся, не оборачиваясь.

— Нет, девочка. Я не из твоего рода. Я из тех, кого ваши называют просто — «помнящие». Мы не говорим с огнем и не слышим пепла. Мы просто записываем.

— Записываете что?

— Все. Имена. События. Кровь. Войны. То, что должно быть забыто, и то, что должно быть сохранено. Век Корней не потому погиб, что его уничтожили. Он погиб, потому что люди перестали помнить. А когда перестаешь помнить — перестаешь существовать.

Вейла нахмурилась.

— И сколько вас? Помнящих?

— Меньше, чем должно быть. Больше, чем ты думаешь. Мы прячемся. В библиотеках, в подвалах, в дорожных тавернах. Иногда — при дворах, под самым носом у королей. Я был в Цитадели тридцать лет, и никто не догадывался.

— А теперь?

— Теперь я беглец, как и ты. Архивариус, который сжег свои книги, чтобы они не достались врагу. Ирония, правда?

Он замолчал. Вейла тоже. Она смотрела на его сторбленную спину, на седые волосы, выбивающиеся из-под капюшона, и думала о том, как мало она знает о человеке, который спас ей жизнь.

— Почему ты помог мне? — спросила она.

Архивариус остановился. Он обернулся, и Вейла увидела его глаза — серые, как зимнее небо, и усталые, как у человека, который слишком долго не спал.

— Потому что твоя мать попросила меня об этом.

— Ты знал мою мать?

— Я знал ее до того, как она стала твоей матерью. Когда она была просто девочкой с огнем в крови и слишком большими надеждами. Я привел ее в Цитадель. Я учил ее читать старые языки. Я думал, что это защитит ее.

Он помолчал.

— Я ошибся.

— Что с ней случилось? — тихо спросила Вейла. — Правда.

Архивариус посмотрел на горизонт. Где-то вдалеке кружили вороны. Черные точки на сером небе.

— Она узнала то, что не должна была. Она нашла в архивах Цитадели карты, которых не должно было существовать. Карты, на которых Вардхольм был не таким, каким его знают. Карты, на которых Лес был не границей, а центром.

— Центром чего?

— Всего. Век Корней не был временем, когда люди жили вокруг Леса. Он был временем, когда Лес покрывал всю землю. От моря до моря. И люди жили в нем, а не рядом с ним. Они были его частью. Его детьми.

Вейла попыталась представить. Мир, где нет полей и дорог, нет стен и замков. Только лес. Огромный, бесконечный, живой.

— А потом?

— Потом пришли те, кто боялся. Те, кто хотел порядка. Те, кто думал, что мир можно измерить, разделить, подчинить. Они вырубili Лес. Они построили свои города на его костях. Они придумали Единое Солнце, чтобы было чему поклоняться. И они заставили всех забыть.

— Дети Черного Пламени, — прошептала Вейла.

— Да. Они появились тогда же. Сначала как орден, который боролся с «дикостью». Потом как тайная стража. Потом как палачи. Они сжигали Хранителей. Они охотились на таких, как твоя мать. И они почти победили.

— Почти?

— Потому что ты еще жива.

Архивариус снова пошел вперед. Вейла догнала его.

— А принц Гилберт? — спросила она. — Какое он имеет отношение ко всему этому?

— Он — ключ.

— Ключ к чему?

— К трону. К армии. К будущему. Гилберт — единственный, кого ненавидит его отец, но кого любят простые люди. Он — законный наследник, которого незаконно лишили всего. Если он сядет на трон, многое изменится.

— А он сядет?

— Если мы поможем ему.

— Мы?

— Ты, я и те, кто ждет нас в Солнцеграде. Не все лорды — сволочи. Некоторые помнят. Некоторые хотят перемен. Некоторые просто хотят выжить. Нам нужны все.

Вейла задумалась. Она знала, что Архивариус не договаривает. Он всегда не договаривал. Но она также знала, что сейчас не время для вопросов. Время для вопросов придет позже. Если они доберутся до столицы живыми.

Ночью они остановились в заброшенной пастушьей хижине.

Она стояла на склоне холма, полуразвалившаяся, с провалившейся крышей. Но стены еще держались, и в очаге, к удивлению Вейлы, оказались сухие дрова. Архивариус развел огонь — на этот раз обычный, не магический — и они сели у пламени.

— Расскажи мне о принце, — попросила Вейла.

— Что именно?

— Какой он?

Архивариус задумался. Он смотрел в огонь, и тени плясали на его лице.

— Он сложный. В нем есть то, что редко встречается в людях его положения, — совесть. Это делает его слабым в глазах отца и сильным в глазах народа. Он не жесток. Он не жаден. Он умеет слушать. Но он сломан.

— Сломан?

— Три года в подземелье ломают даже самых крепких. Он выжил, но что-то в нем умерло. Надежда, может. Или вера в людей. Теперь ему нужно напоминать, зачем жить.

— А ты сможешь?

— Я стар. Меня он не послушает. А вот тебя — может.

Вейла подняла бровь.

— Меня? Я — беглая еретичка с пеплом в волосах.

— Именно поэтому. Ты — живое напоминание о том, что мир больше, чем ему говорили. Ты — доказательство того, что отец лгал ему всю жизнь. Ты — то, чего он никогда не видел.

— И что мне ему сказать?

— Правду. Всю. Про Лес, про Хранителей, про Черное Пламя. Про его отца и про то, что грядет. Если он поверит тебе — он пойдет за нами. Если нет — значит, он не тот, кем я его считал.

Вейла долго молчала. Потом спросила:

— А если он предаст нас?

Архивариус посмотрел на нее, и в его глазах блеснуло пламя.

— Тогда мы сожжем его. Вместе с его отцом.

Они продолжили путь на рассвете.

Дорога шла на юг, через пустоши, через заброшенные поля, через деревни, которые выглядели такими же мертвыми, как та, где Вейла встретила человека с корой. Людей почти не было. Те, кто встречался, — беглецы, нищие, отчаявшиеся — шарахались от них, как от прокаженных.

Но Вейла чувствовала: за ними наблюдают.

Не люди. Что-то другое. Тени, скользящие за холмами. Вороны, кружащие слишком низко. Ветер, который иногда приносил запах гари.

— Они знают, что мы идем, — сказала она однажды вечером.

— Знают, — согласился Архивариус.

— Почему не нападают?

— Ждут. Они не дураки. Ты показала им, на что способна. Они не хотят умирать в одиночку. Они собирают силы.

— Где?

— В Солнцеграде. Под носом у короля. Они всегда там были. Просто теперь они выходят из тени.

Вейла сжала кулаки. Огонь внутри нее шевельнулся, как зверь во сне.

— Пусть выходят, — сказала она. — Я готова.

— Нет, — ответил Архивариус. — Пока не готова. Ты сильна, Имриэль. Но сила без знания — это просто огонь. А огонь сжигает не только врагов.

— Что ты предлагаешь?

— Учиться. По дороге. Я научу тебя тому, что знаю. Старые слова. Старые знаки. То, что сделало Хранителей Хранителями. Немного, но достаточно, чтобы ты не сожгла себя сама.

Вейла кивнула.

— Начнем сейчас?

— Начнем, — сказал Архивариус и вытащил из-под плаща маленькую книгу в кожаном переплете. Книга была старой, потрепанной, но Вейла почувствовала исходящую от нее силу. Слабую, как дыхание спящего. Но настоящую.

— Это «Песнь Корней», — сказал он. — Первая книга Хранителей. Ее написала твоя прапрамать. Та, что первой услышала пепел.

Вейла взяла книгу дрожащими руками.

— Я не умею читать, — призналась она.

— Умеешь, — ответил Архивариус. — Просто забыла. Открой.

Она открыла.

И буквы на странице — старые, угловатые, чужие — вдруг стали складываться в слова. Слова — в образы. Образы — в память. И Вейла поняла, что читает не глазами. Всем телом. Всей кровью. Всем пеплом.

«В начале не было ничего. Потом был корень. Потом был огонь. Потом была я.»

Она читала всю ночь.

Солнцеград встретил их запахом смерти.

Он висел над городом, как саван, — сладковатый, тяжелый, с примесью дыма и гниющих отбросов. Еще с холма было видно, что в городе неспокойно: у ворот — усиленная стража, на

улицах — патрули, а над крышами то и дело взмывали стаи воронов, напуганных чем-то, чего не было видно издалека.

Вейла и Архивариус остановились в роще за городской стеной.

— Нам не пройти через ворота, — сказала она. — Меня ищут.

— Тебя ищут, но не там, где ты думаешь, — ответил Архивариус. — Солдаты короля ищут «беглую послушницу». Девочку в сером платье, испуганную, безоружную. Никто не ищет Хранителя с огнем в крови и «Песнью Корней» за пазухой.

— И что это меняет?

— Все. Смотри.

Он указал на дорогу, ведущую к воротам. По ней тянулась длинная вереница людей — беженцы, крестьяне, бродяги. Одни тащили тележки с пожитками, другие несли детей на плечах. Стража у ворот смотрела на них с подозрением, но пропускала: город нуждался в рабочих руках.

— Мы смешаемся с ними, — сказал Архивариус. — Ты набросишь капюшон. Я поговорю со стражей.

— А если они обыскивают?

— Обыскивают телеги и мешки. Не людей. К тому же я знаю одного человека у этих ворот. Он обязан мне жизнью.

Вейла скептически посмотрела на него, но спорить не стала. Она надела капюшон, спрятала книгу поглубже и прижала к боку нож — тот самый, из черного обсидиана.

Они спустились с холма и влились в поток беженцев.

Чем ближе к воротам, тем сильнее становился запах. Вейла прикрыла нос рукавом. Она слышала обрывки разговоров:

— Говорят, свадьбу залили кровью. Лорд Блэквуд обвинил Вэнсов в отравлении, а те — его.

— Король сжег дюжину рыцарей на главной площади. Прямо в доспехах.

— А невесту запер в башне. Говорят, она сошла с ума.

— А принц?

— Принц в подземелье. Третий год. Его выпустят только когда король сдохнет.

Вейла ловила каждое слово. Значит, в столице все хуже, чем она думала.

У ворот их встретила стража: трое в помятых доспехах, с копьями и щитами с выцветшим солнечным гербом. Один из них — пожилой, с седыми усами — лениво махнул рукой:

— Проходите, да поживее. Не задерживайте очередь.

Архивариус шагнул вперед.

— Капитан Торвальд? — тихо спросил он.

Стражник нахмурился.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Из Цитадели, — так же тихо ответил Архивариус. — Двенадцать лет назад твоя дочь умирала от черной лихорадки. Жрецы отказались лечить ее, потому что ты не мог заплатить. Но один старый архивариус принес тебе травы с севера и спас ее.

Торвальд побледнел.

— Ты... — он оглянулся на своих людей, потом наклонился ближе. — Зачем ты здесь? Тебя разыскивают.

— Знаю. Поэтому прошу: пропусти нас без досмотра. И забудь, что видел.

Торвальд посмотрел на Вейлу, на ее капюшон, на серое лицо Архивариуса. Потом кивнул.

— Проходите. И да помогут вам боги. Хотя я в них больше не верю.

Они скользнули в город.

Солнцеград был не таким, каким Вейла его помнила.

Она провела здесь три года, но все это время сидела в Цитадели, в четырех стенах. Она не знала города. Не знала его улиц, его запахов, его теней. Теперь они обрушились на нее разом.

Улицы были узкими, кривыми, как трещины в старой кости. Дома нависали над мостовыми, заслоняя и без того тусклое небо. Люди шли, не поднимая глаз. На углах стояли нищие; у храмов — фанатики, выкрикивающие проклятия. Все было пропитано страхом. Страхом и ожиданием.

— Куда мы идем? — спросила Вейла.

— В трущобы, — ответил Архивариус. — Там есть дом, где нас ждут.

— Кто?

— Те, кто помнит.

Они свернули в переулок, потом в другой, потом нырнули под арку, где пахло мочой и дымом. Вейла старалась не смотреть по сторонам, но краем глаза ловила движение: тени, которые на самом деле были людьми; люди, которые на самом деле были тенями.

Наконец они остановились у неприметной двери, врезанной в стену без окон. Архивариус постучал три раза, потом два, потом еще раз. Дверь приоткрылась, и в щели мелькнул глаз.

— Кто? — раздался хриплый шепот.

— Тот, кто пишет в темноте.

Дверь распахнулась.

Внутри было темно и душно. Пахло свечным воском, старым деревом и чем-то еще — может, надеждой, если у надежды есть запах. В комнате сидели люди. Пятеро. Мужчины и женщины, старые и молодые. Все — в простой одежде, все — с лицами, на которых читалась усталость и что-то еще. Упрямство.

— Это она? — спросила женщина с седыми волосами, глядя на Вейлу.

— Да, — ответил Архивариус. — Имриэль.

По комнате прокатился шепот. Люди переглянулись. В их глазах Вейла увидела нечто среднее между благоговением и страхом.

— Она молода, — заметил мужчина с лицом, покрытым шрамами.

— Молодость — не порок, — ответил Архивариус. — К тому же молодость быстрее заживает.

Он сел на лавку, положил посох на колени.

— Рассказывайте, — сказал он. — Что произошло в городе за время моего отсутствия?

Женщина с седыми волосами, которую, как позже узнала Вейла, звали Миррен, сложила руки на груди.

— Свадьба обернулась резней. Король отравил людей Блэквуда, чтобы обвинить Вэнсов. Вэнсы, дураки, поддались на провокацию. Началась драка. Убито около тридцати. Лорд Блэквуд бежал из города с остатками своего отряда. Вэнсы заперлись в своем квартале, как в осаде.

— А король?

— Король доволен. Он использовал хаос, чтобы объявить военное положение. Армия стянута к столице. Всех, кого подозревают в нелояльности, хватают и бросают в подземелье. Подземелье переполнено.

— А Гилберт?

Миррен замолчала. Остальные тоже. Вейла заметила, как напряглись их лица.

— Что с принцем? — повторил Архивариус.

— Его перевели, — тихо сказал мужчина со шрамами. — Неделию назад. В башню Пепла. В комнате стало так тихо, что Вейла услышала стук собственного сердца.

— Башню Пепла, — медленно произнес Архивариус. — Значит, король решил не ждать.

— Чего не ждать? — спросила Вейла.

Архивариус повернулся к ней.

— Башня Пепла — это не просто тюрьма. Это место, где сжигают еретиков. Медленно. Публично. С помощью особого огня, который горит не жаром, а... болью. Принца готовят к казни.

— Когда?

— Судя по всему, — сказала Миррен, — через три дня. В день мертвых. Король хочет, чтобы его сын умер перед всем городом.

Вейла почувствовала, как пламя внутри нее поднимается. Она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Мы не допустим этого, — сказала она.

Все посмотрели на нее.

— Мы? — переспросил мужчина со шрамами.

— Мы, — повторила Вейла. — Вы помните. Я сжигаю. Вместе мы что-нибудь придумаем. Она встала.

— Расскажите мне все о башне. Все, что знаете.

И ночь в Солнцеграде наполнилась планами, страхом и огнем.

Глава 4: Башня Пепла

Башня Пепла стояла на восточной окраине Солнцеграда, как гнилой зуб во рту старика. Она была древней — старше самого замка, старше, чем Вардхольм, может быть, старше, чем люди вообще. Ее стены были сложены из черного камня, который не брало ни железо, ни время. Никто не знал, кто построил ее. Никто не знал, зачем. Но все знали одно: те, кто входил туда, обратно не выходили. Или выходили такими, что лучше бы им было умереть.

Вейла смотрела на башню с крыши соседнего дома.

Она была старая, уродливая — приземистая, будто вросшая в землю, но при этом высокая, уходящая в небо на восемь ярусов. Ни одного окна. Только наверху, у самой вершины, зияло круглое отверстие, из которого постоянно поднимался дым. Иногда он был серым. Иногда — черным. А по ночам, говорили, из него вырывалось бледное пламя, и тогда все, кто жил рядом, запирали двери и не выходили до рассвета.

— Вход один, — сказал мужчина со шрамами. Его звали Бранн. Он был бывшим кузнецом, а ныне — одним из тех, кто называл себя «угли». Люди, которые помнили старые времена и ждали знака. — Главный портал, с западной стороны. Его охраняют не обычные стражники. Дети Черного Пламени.

— Сколько их? — спросила Вейла.

— Внутри не знаю. Снаружи — минимум десятков. Но они не просто солдаты. Они... чувствуют. Если кто-то приблизится с враждебным намерением, они узнают.

— Как?

Бранн пожал плечами.

— Говорят, они пьют кровь тех, кто умер в башне. И это дает им силу. Силу видеть то, что скрыто.

Вейла нахмурилась. Она слышала о Детях Черного Пламени лишь обрывки. В Цитадели о них шептались, но никогда не говорили открыто. Теперь она понимала почему. Они были не просто слугами. Они были частью чего-то большего. Частью машины страха, которая работала веками.

— А принц? — спросила она. — Где он?

— На шестом ярусе, — ответила Миррен. — Нам сказал один из стражников. Его подкупили. Он говорит, принца держат в клетке из железа, но не просто железа — из того, что куют в Черном Пламени. Она вытягивает из него не только силы. Она вытягивает воспоминания. Сны. Даже имена.

Вейла поежилась.

— Он еще жив?

— Пока да. Но он угасает. Если мы не вытащим его в ближайшие два дня, от него останется только оболочка.

— Тогда мы вытащим его завтра.

Все посмотрели на нее. Бранн покачал головой.

— Ты не понимаешь. Башня — это не просто здание. Это ловушка. Каждый ярус охраняется. Каждый коридор пропитан старыми заклятиями. Даже если мы войдем, то не выйдем.

— А я и не говорила «войдем», — ответила Вейла.

Она повернулась к Архивариусу, который молча сидел в углу.

— Ты говорил, что есть старые знаки. Старые слова. То, что делает Хранителей Хранителями. Научи меня.

Архивариус поднял взгляд.

— Чему именно?

— Тому, что может разрушить стены. Или открыть двери. Или ослепить стражу. Мне нужно все, что ты знаешь.

— Этому учатся годами.

— У нас нет годов. У нас — одна ночь.

Он долго смотрел на нее. Потом медленно кивнул.

— Тогда начнем. Но предупреждаю: знание, которое я дам тебе, старое и опасное. Оно может сжечь тебя изнутри, если ошибешься.

— Я не ошибнусь, — сказала Вейла.

— Все так говорят.

Они учились до рассвета.

Архивариус показывал ей знаки — не те, что пишут на бумаге, а те, что чертят в воздухе. Каждый знак был словом. Каждое слово было силой. Вейла повторяла их, сначала неуверенно, потом все точнее. Ее пальцы выписывали в темноте символы, которые не видел никто, кроме нее. И с каждым знаком пламя внутри нее разгоралось ярче.

— Огонь — это не оружие, — говорил Архивариус. — Это язык. Древний, как мир. Если ты научишься говорить на нем, тебе не нужны будут ни двери, ни стены, ни армии.

— Тогда почему Хранителей сжигали? — спросила Вейла.

— Потому что они разучились слушать. Они стали слишком полагаться на силу. А сила без понимания — это безумие.

— Моя мать понимала?

— Она была лучшей из нас. И поэтому они убили ее первой.

Под утро Вейла выучила три знака. Первый — «трещина». Он позволял находить слабые места в камне и дереве. Второй — «тишина». Он гасил звуки, делая шаги неслышными. Третий — «тень». Он не делал невидимой, но заставлял глаза смотреть мимо.

— Этого хватит, чтобы войти, — сказала она. — Но не хватит, чтобы выйти.

— Поэтому мы не будем выходить через дверь, — ответил Архивариус.

Он развернул на полу старый пергамент. Это был план Башни Пепла, начерченный чьей-то дрожащей рукой.

— Есть подземный ход. Он ведет из катакомб под городом в подвалы башни. Им пользовались в старые времена, когда башня была не тюрьмой, а храмом.

— Храмом чего?

— Того, что было до Единого Солнца. Того, что вы называете Старыми Богами. На самом деле это не боги. Это силы. Силы земли, огня, воды и воздуха. Они старше богов. И они все еще там, внизу.

Вейла склонилась над картой.

— Ты уверен, что ход не завален?

— Уверен. Я сам его проверял. Три года назад, когда впервые понял, что король не остановится.

— Почему ты тогда не вытащил принца?

— Потому что тогда он еще не был готов. Он верил в отца. Верил, что правосудие восторжествует. Теперь он знает, что его отец — чудовище. Теперь он готов.

— А если нет?

Архивариус поднял на нее усталые глаза.

— Тогда мы все умрем. Но, по крайней мере, попробуем.

План был прост, как все отчаянные планы.

В сумерках Бранн и еще двое «углей» должны были отвлечь наружную стражу: поджечь склад рядом с башней и устроить потасовку. Тем временем Вейла и Архивариус спустятся в катакомбы и пройдут подземным ходом. Внутри башни они найдут принца и выведут его тем же путем. Если повезет, никто не заметит. Если нет — Вейла использует знаки.

— А если Дети Черного Пламени почувствуют нас? — спросила она.

— Почувствуют, — признал Архивариус. — Вопрос лишь в том, насколько быстро. Поэтому мы должны быть быстрее.

— А что на других ярусах? Кроме принца?

— Не знаю. Возможно, другие пленники. Возможно, просто пустота. Но не обольщайся. Башня не бывает пустой. Она всегда чем-то наполнена.

— Чем?

— Пеплом.

Они вышли, когда солнце уже село, а город накрыли сумерки.

Вейла надела темный плащ, который дала ей Миррен, и спрятала волосы под капюшоном. Нож из обсидиана висел на поясе. Книга «Песнь Корней» лежала у сердца. Она чувствовала ее тепло — странное, живое, как у спящего зверя.

У входа в катакомбы их ждал Бранн.

— Склад подожжем через полчаса, — сказал он. — Если услышите крики — значит, началось.

— Если не услышите — значит, мы уже мертвы, — ответил Архивариус.

Бранн усмехнулся.

— Тогда постарайтесь не умереть.

Он исчез в темноте.

Вейла и Архивариус спустились в катакомбы.

Здесь пахло сыростью, смертью и временем. Стены были покрыты плесенью, а пол — толстым слоем пыли, в которой отпечатывались их шаги. Кости лежали в нишах — старые, пожелтевшие, принадлежавшие людям, умершим задолго до того, как родился король Эдвин.

— Это кладбище бедняков, — сказал Архивариус. — Город хоронил здесь тех, у кого не было денег на землю. Говорят, что в этих костях до сих пор тлеет обида.

— Ты чувствуешь ее? — спросила Вейла.

— Нет. Но ты, возможно, чувствуешь.

Она остановилась. Закрыла глаза. И действительно — что-то было. Слабое, как эхо далекого плача. Пепел. Много пепла. Здесь, под землей, он жил своей жизнью. Он помнил.

— Они хотят, чтобы мы шли дальше, — сказала она. — Они говорят, что дорога свободна.

— Кто говорит?

— Те, кто умер. Они здесь. Они ждут.

Архивариус промолчал.

Они шли по катакомбам около часа. Вейла вела, полагаясь на чутье, на пепел, на те старые голоса, что шептали ей направление. И наконец они вышли к стене, которая не была стеной.

— Здесь, — сказала она, касаясь камня. — За ним — пустота.

Архивариус подошел и осмотрел стену. Потом достал из-под плаща маленький пузырек с черной жидкостью и вылил ее на камень. Тот зашипел, запузырился и начал осыпаться, открывая темный проход.

— Порошок из корня железного дерева, — пояснил он. — Ест камень, как кислота. Не спрашивай, где я его достал.

Они протиснулись в проход.

И оказались в Башне Пепла.

Внутри было холодно.

Не просто холодно — ледяно, как в могиле. Воздух был спертый, тяжелым, с привкусом гари. Вейла чувствовала, как пламя внутри нее сжимается, словно его что-то давит. Что-то враждебное. Что-то, что было здесь всегда.

— Ты чувствуешь? — прошептал Архивариус.

— Да, — ответила она. — Оно не хочет, чтобы мы были здесь.

— Это хорошо.

— Хорошо?

— Значит, мы в правильном месте.

Они двинулись вперед. Коридор был узким, с низким потолком, выложенным из того же черного камня. На стенах — следы копоты, а под ногами — слой пепла. Толстый, мягкий, как снег. Он заглушал шаги.

— Ярус за ярусом, — шептал Архивариус. — Лестница в конце коридора. Она ведет наверх.

— А стража?

— Они не ждут гостей снизу. Дети Черного Пламени охраняют входы, но подземелье считают мертвым. Они ошибаются.

Вейла нахмурилась.

— Почему ты так уверен?

— Потому что это не первая моя прогулка сюда. Я был здесь. Дважды. Первый раз — когда искал книги. Второй — когда искал тебя.

— Меня?

— Я знал, что ты придешь к башне. Знал, что тебя приведут сюда. Поэтому и проверил путь.

Он помолчал.

— Но выше третьего яруса я не поднимался. Дальше — только догадки.

— Тогда пойдем и проверим.

Они поднялись на первый ярус.

Здесь было темно, но Вейла видела. Не глазами — чем-то другим. Пеплом, который висел в воздухе. Он был повсюду и служил ей продолжением чувств. Она ощущала стены, двери, повороты. И она ощущала людей.

— Двое, — прошептала она. — За следующей дверью. Спят.

— Дети?

— Нет. Обычные стражники. Но с ними что-то... что-то черное.

— Амулеты. Они носят амулеты из пепла сожженных магов. Они защищают от огня.

— Но не от меня.

Вейла вытянула руку и начертила знак «тишины». Воздух вокруг сгустился, и все звуки умерли. Она шагнула к двери, приоткрыла ее — и скользнула внутрь.

Стражники лежали на соломенных тюфяках. Их лица были бледными, а на груди висели черные медальоны. Вейла подошла ближе. Она не хотела убивать. Но она знала: если они проснутся, план провалится.

Она начертила второй знак — «тень». Потом наклонилась и коснулась их лбов. Пламя вышло из пальцев — тонкими, почти невидимыми нитями. Оно не жгло. Оно просто погрузило их в сон. Глубокий, как смерть, но с возвращением.

— Ты не убила их, — сказал Архивариус.

— Нет.

— Зря. Они бы не пощадили тебя.

— Поэтому я и не уподоблюсь им.

Они пошли дальше.

Второй ярус. Третий. Коридоры, лестницы, двери. На втором Вейла снова усыпила стражу. На третьем — задержалась. Здесь были камеры. Маленькие, железные, с узкими щелями вместо окон. И в них сидели люди. Или то, что от них осталось.

Она подошла к одной из камер.

— Кто здесь? — прошептала она.

Из темноты донесся хрип.

— Убирайся... пока можешь...

— Я пришла за принцем.

Хрип перерос в смех. Безумный, лающий.

— Принц? Он уже не принц. Он — пепел. Как все мы. Убирайся, девочка. Башня не отдает своих.

Вейла отшатнулась.

— Идем, — потянул ее Архивариус. — Не трать время.

Они поднялись на четвертый ярус.

И здесь их ждали.

Их ждали в темноте.

Вейла почувствовала это раньше, чем увидела: сгусток холода, плотный, как ледяная вода, висел в воздухе, пропитывая все вокруг. Пепла на этом ярусе не было. Совсем. Как будто его выжгли или изгнали. И от этого Вейла ослепла — не физически, но тем внутренним зрением, что вело ее последние недели.

— Стой, — прошептала она, хватая Архивариуса за рукав. — Они здесь.

— Знаю, — ответил он. — Я их чувствую.

— Что будем делать?

— То, зачем пришли. Пройдем.

Он шагнул вперед, подняв посох. Навершие — спираль — начало светиться. Слабо, как уголек под золой. Но этого света хватило, чтобы разогнать тьму на несколько шагов. И в этом свете Вейла увидела их.

Их было трое.

Они стояли в дальнем конце зала, неподвижные, как статуи. Чёрные плащи свисали до пола. Лиц не было видно. Но Вейла чувствовала: под капюшонами — не человеческие лица. От них веяло холодом, который пробирал до костей. Холодом пустоты. Холодом, в котором не было ничего живого

. — Имриэль, — произнес один. Голос был ровным, без интонаций, как шум ветра в трубе. — Ты пришла.

— Я пришла за принцем, — ответила она.

— Принц не выйдет отсюда.

— Это мы еще посмотрим.

Дети Черного Пламени не двинулись с места. Они просто стояли, и Вейла чувствовала, как их сила давит на нее. Это была не та сила, что у огня. Это была сила пустоты. Холода. Забвения.

— Ты не понимаешь, что такое Башня, — произнес второй. — Это не тюрьма. Это колыбель. Мы не сторожим принца. Мы его перерождаем.

— Во что?

— В то, чем он должен был стать. В то, чем станут все. В пепел, который не помнит.

Вейла сжала кулаки. Пламя внутри вспыхнуло, прогоняя холод. Оно было слабым, но оно было. И этого хватило.

— Я не отдам его вам, — сказала она.

— Ты не сможешь нам помешать, — ответил третий. — Ты — лишь искра. А мы — зима.

Он вскинул руку.

И тьма бросилась на них.

Вейла не успела начертить знак. Она просто выбросила руки вперед и выпустила все, что было внутри.

Огонь вырвался из ее ладоней белым потоком, ударил в наступающую тьму и... замер. Не погас — замер. Как будто само время остановилось. Вейла видела, как языки пламени застыли в воздухе, не в силах пробиться сквозь холод, исходящий от трех фигур.

— Твой огонь — детский лепет, — сказал первый. — Он родился из пепла, а пепел — это наша стихия.

— Пепел — это память, — прошептал Архивариус.

Он поднял посох и ударил им о пол. Спираль вспыхнула ярко, ослепительно, и по каменным плитам побежали трещины. Они расходились, как паутина, достигая ног Детей.

— Ты! — прошипел второй. — Ты — Помнящий! Тебя давно должны были сжечь!

— Сжигали, — ответил Архивариус. — Много раз. Но я все еще здесь.

Он сделал шаг вперед, и Вейла почувствовала, как его сила вливается в нее. Это была не сила огня. Это была сила земли. Древняя, неспешная, несокрушимая. Она поднялась от пола, через подошвы, по ногам, в грудь. И Вейла поняла, что ей нужно делать.

— Держи их, — сказал Архивариус. — Я открою путь.

— Как?

— Доверься.

Вейла кивнула и снова выбросила руки вперед. Но на этот раз она не просто выпустила огонь. Она спела.

Слова пришли сами — старые, незнакомые, но такие родные, как будто она знала их всегда. Они поднялись из горла, из груди, из самого ее существа. И пламя изменилось. Оно перестало быть просто жаром. Оно стало звуком. Светом. Жизнью.

Тьма дрогнула.

— Невозможно... — прошептал первый.

— Все возможно, — ответила Вейла. — Если помнишь.

Она шагнула вперед, и огонь пошел вместе с ней. Он больше не застыл — он прожигал. Он разрывал холод, как нож разрезает ткань. Дети Черного Пламени попятнулись. Впервые в их пустых голосах прозвучало нечто похожее на страх.

— Она — истинная, — прошептал второй. — Нам не сдержать ее.

— Тогда уходим, — ответил первый. — Но принца она не получит.

Он хлопнул в ладоши.

И все трое исчезли.

Просто растворились в воздухе, оставив после себя лишь облако черного пепла, которое медленно осело на пол.

Вейла тяжело дышала. Огонь угас, оставив в ладонях ноющую боль. Она опустилась на колени.

— Вставай, — сказал Архивариус. — У нас мало времени. Они ушли, но не побеждены. Они предупредят остальных.

— А ты? — спросила она, поднимая взгляд.

Архивариус был бледен, как мел. Из носа у него текла тонкая струйка крови. Но он улыбался.

— Я в порядке. Просто старые кости не любят старых слов. Идем.

Они поднялись на пятый ярус.

Здесь не было стражи. Не было дверей. Только коридор, ведущий к винтовой лестнице. Стены были покрыты надписями — не буквами, а знаками. Старыми знаками. Знаками Хранителей.

— Это писали твои предшественницы, — сказал Архивариус. — Те, кого держали здесь до казни.

— Что они пишут?

— Предупреждения. Благословения. Проклятия. Имена. В основном имена. Чтобы не забыть.

Вейла провела рукой по стене. Камень был холодным, но под пальцами она ощущала слабое тепло. Как будто знаки откликались на ее прикосновение.

— Они знали, что я приду, — прошептала она.

— Конечно. Они все знали. Хранители не умирают по-настоящему. Они просто... ждут.

— Чего?

— Тебя.

Лестница вела вверх. Шестой ярус.

Вейла поднималась медленно, чувствуя, как воздух становится все тяжелее. На пятом ярусе пахло пеплом. На шестом пахло болью. Такой старой, что она пропитала стены, как копоть.

— Принц здесь, — сказала она.

— Да, — ответил Архивариус. — Дальше я не пойду.

Вейла обернулась.

— Почему?

— Потому что туда может войти только тот, кто слышит. Я — только пишу. А ты — слушаешь. Тебе и идти.

— А если я не вернусь?

— Тогда я буду ждать. И напишу о тебе.

Она смотрела на него, на его усталое лицо, на кровь, засохшую под носом. И вдруг поняла: он не верит, что она вернется. Но все равно посылает.

— Ты хороший человек, Архивариус, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Я просто старый эгоист, который хочет умереть не зря.

Вейла улыбнулась — впервые за долгое время.

— Тогда не умирай. Я скоро вернусь.

Она повернулась и шагнула в темноту шестого яруса.

Глава 5: Принц пепла

Шестой ярус был круглым.

Огромное пустое пространство, напоминающее внутренность колодца. Стены уходили вверх, смыкаясь где-то высоко, в непроглядной черноте. По центру стояла клетка.

Она была сделана из того самого черного железа, о котором говорила Миррен. Прутья толщиной в руку, покрытые рунами. Они не просто держали — они впитывали. Вейла видела, как от них поднимается слабое марево, словно жар от раскаленного металла, только наоборот:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.